

У меня есть несколько любимых писателей,
например Роб-Грийе и Борхес. Как свободно
и приятно дышится в их великолепных
лабиринтах! Я люблю их ясную мысль,
эту чистоту и поэзию, эти миражи в зеркалах.

Владимир Набоков

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

Всеобщая
история
бесчестья

PREMIUM

Азбука Premium

Хорхе Борхес

Всеобщая история бесчестья

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.134.2(8)
ББК 84(7Арг)-44

Борхес Х. Л.

Всеобщая история бесчестья / Х. Л. Борхес — «Азбука-Аттикус»,
1995 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-21445-3

Хорхе Луис Борхес – один из самых известных писателей XX века, во многом определивший облик современной литературы. Тексты Борхеса, будь то художественная проза, поэзия или размышления, представляют собой своеобразную интеллектуальную игру – они полны тайн и фантастических образов, чьи истоки следует искать в литературах и культурах прошлого.

Сборник «Всеобщая история бесчестья», вошедший в настоящий том, – это собрание рассказов о людях, которым моральное падение, преступления и позор открыли дорогу к славе. Описывая чудовищные злодеяния, ставшие легендой, Борхес остается верен своей склонности к литературным мистификациям. По его утверждению, в книге «есть только видимость, оболочка образов; может быть, поэтому книга и нравится читателям». В книгу также вошел сборник «История вечности», в котором автор объединил размышления о цикличности времени, рецензии на несуществующие книги, обзор разнообразных переводов сказок «Тысячи и одной ночи», трактат о поэзии скальдов и многое другое. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.134.2(8)
ББК 84(7Арг)-44

ISBN 978-5-389-21445-3

© Борхес Х. Л., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Всеобщая история бесчестья	8
Предисловие к первому изданию	9
Предисловие к изданию 1954 года	10
Жестокий освободитель Лазарус Морель	11
Беспардонный лжец Том Кастро	16
Вдова Чин, пиратка	20
Преступных дел мастер Монк Истмен	24
Бескорыстный убийца Билл Харриган	28
Неучтивый церемониймейстер Кодзукэ-но Сукэ	31
Хаким из Мерва, красильщик в маске	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Хорхе Луис Борхес

Всеобщая история бесчестья (сборник)

Jorge Luis Borges

HISTORIA UNIVERSAL DE LA INFAMIA

Copyright © 1995, María Kodama

HISTORIA DE LA ETERNIDAD

Copyright © 1995, María Kodama

All rights reserved

© В. Н. Андреев, перевод, 2004

© Б. В. Дубин (наследник), перевод, примечания, 2022

© Б. В. Ковалев, перевод, 2022

© К. С. Корконосенко, перевод, 2022

© Е. М. Лысенко (наследник), перевод, 2022

© А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник, перевод, 1992

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

У меня есть несколько любимых писателей, например Роб-Грийе и Борхес. Как свободно и приятно дышится в их великолепных лабиринтах! Я люблю их ясную мысль, эту чистоту и поэзию, эти миражи в зеркалах.

Владимир Набоков

Борхес – это автор, который говорил обо всем. Невозможно найти в истории культуры темы, которой не коснулся бы Борхес.

Умберто Эко

Подчас я склонен думать, что хороший читатель еще более загадочен и уникален, чем хороший автор. Чтение – это прежде всего форма деятельности, что идет вослед процессу писания; но только более смиренная, более изысканная, более интеллектуальная.

Хорхе Луис Борхес.

Борхес вызывает у меня величайшее восхищение, я его читаю каждый вечер. Я приехал в Буэнос-Айрес, и единственное, что я там купил, – это полное собрание сочинений Борхеса.

Габриэль Гарсиа Маркес

Для своих историй Борхес часто заимствует форму некоего жанра популярной литературы, форму, испытанную временем, создающую почти мифические структуры.

Итало Кальвино

Без Борхеса современная литература Латинской Америки попросту не существовала бы.

Карлос Фуэнтес

Продолжая звучание волшебной ноты, рожденной на свет Уэллсом и Честертоном, позволяя вечности управлять своим воображением, Борхес сумел поднять литературу на высоты, далекие от плоской земли, на которой до сих пор пребывает большинство наших произведений.

Джон Андайк

Как творец он занимает место Данте и Шекспира, Сервантеса и Джойса нашей эпохи.

Гарольд Блум

Многие называют его крупнейшим из современных писателей. Мало найдется тех, кто в своих вещах у него не учился или ему не подражал.

Сьюзан Зонтаг

Борхес никогда не знал меня, но я знал его и почтительно склоняюсь перед ним.

Джулиан Барнс

Всеобщая история бесчестья

1

---

¹ Новеллы печатались в газете «Критика» в 1933–1934 гг.; вторую часть книги – раздел «Et cetera» – составил монтаж притч на тему двойника, шарлатанства, подмены, извлеченных Борхесом из различных источников (сказки «Тысячи и одной ночи», Сведенборг и др.) и печатавшихся прежде в той же газете. Кроме указанных самим Борхесом источников, на рассказы сборника повлияла книга новелл французского писателя-символиста Марселя Швоба «Воображаемые жизни».

Предисловие к первому изданию

Истории, созданные в повествовательной манере и составляющие эту книгу, были написаны в 1933–1934 годах. Своим рождением они обязаны, я полагаю, Стивенсону и Честертону, а также первым фильмам фон Штернберга и, возможно, некоторым биографическим данным Эваристо Карриего. Они способны сослужить плохую службу своим первоисточникам: многочисленные перечисления, неожиданная развязка, сведение всей жизни человека к двум-трем эпизодам. (Это авторское намерение заметно также и в новелле «Мужчина из Розового салона».) Они не являются психологическими рассказами и не пытаются быть таковыми.

Что касается сказочных историй, которые завершают книгу, то я – только их переводчик и читатель, не более того. Подчас я склонен думать, что хороший читатель еще более загадочен и уникален, чем хороший автор. Меня никто не убедит, что произведения, которые Валери приписал своему давнему персонажу Эдмону Тэсту, обладают большей ценностью, чем созданные позже письма его, Тэста, жены и друзей.

Чтение – это прежде всего форма деятельности, что идет вслед процессу писания; но только более смиренная, более изысканная, более интеллектуальная.

Х. Л. Б. Буэнос-Айрес, 27 мая 1935 г.

Предисловие к изданию 1954 года

Прежде всего отмечу: барокко – это стиль, который осознанно исчерпывает (или желает исчерпать) свои собственные возможности и который соприкасается с карикатурой на самого себя. Напрасно Эндрю Лэнг, в тысяча восемьсот восемьдесят каком-то году, пытался подражать «Одиссеи» Поупа: произведение уже было пародией на самое себя, и пародист не смог бы превзойти автора. Барокко (бароко) – это одно из наименований силлогизма: XVIII век применил его к вычурности в архитектуре и живописи XVII столетия; я сказал бы, что завершающий этап любого искусства, когда оно исчерпывает себя и выставляет напоказ свои приемы, – барочен. Барочность – это умствование, а Бернард Шоу сказал, что любая умственная деятельность смешна. Смех – неосознанно для автора – ощущается в творчестве Бальтасара Грасиана; осознанно либо предумышленно он присутствует в творчестве Джона Донна.

Уже самым названием этой книги заявлена ее барочная природа. Переписать сейчас давние рассказы означало бы уничтожить их; я могу только сослаться на сентенцию «quod scripsi, scripsi»² (Ин. 19: 22) и, двадцать лет спустя, переиздать их без изменения. Они – не более чем игра неуверенного в себе автора, который не был склонен писать рассказы и который нашел себе развлечение в искажении и подделке (без какой-либо эстетической подоплеки) чужих историй. Эти весьма двусмысленные намерения привели к созданию наиболее тщательно отделанного рассказа – «Мужчина из Розового салона», – который написан от имени деда Франсиско Бустоса и который почему-то пользуется у читателей успехом.

В этом рассказе, построенном на разговорной речи, встречаются и некоторые книжные слова. Я ввел их в рассказ потому, что люди предместья, куманьки, поножовщики тяготеют к изысканной речи либо (данное суждение исключает иные, но, возможно, оно истинно) потому, что любой поножовщик индивидуален и никогда не говорит как поножовщик, который является не более чем умозрительной фигурой.

Знатоки Великих Связей утверждают, что основа Вселенной – пустота. Они правы в отношении той малой частицы Вселенной, какой можно назвать данную книгу. Слово «бесчестье» в ее названии вызывает недоумение, висельники и пираты населяют ее, но в глубине людского водоворота нет ничего. Есть только видимость, оболочка образов; может быть, поэтому книга и нравится читателям. Человек, написавший ее, был совершенно неуверен в себе, но он написал ее ради развлечения и удовольствия; остается только уповать на то, что какое-то удовольствие получат и читатели.

В раздел «Et cetera» я добавил три новые истории.

Х. Л. Б.

***

I inscribe this book to S. D.³: English, innumerable and an Angel. Also: I offer her that kernel of myself that I have saved, somehow – the central heart that deals not in words, traffics, not with dreams and is untouched by time, by joy, by adversities⁴.

---

² «Что написал, то написал» (лат.).

³ *I inscribe this book to S. D...* – Адресата посвящения установить не удалось.

⁴ Я посвящаю эту книгу С. Д.: сочетающей в себе все ангельское, несметное и английское. И еще: это подношение составляет самую мою сущность, то, что мне так или иначе удалось сохранить, – сердцевину себя, которая заключается не в словах, не в странствиях, не в сновидениях и не доступна ни времени, ни радости, ни ненастьям (англ.).

Жестокий освободитель Лазарус Морель

5

Отдаленная причина

В 1515 году отцу Бартоломе де лас Касасу стало очень жалко индейцев, изнемогавших от непосильного труда в аду антильских золотых копей, и он предложил императору Карлу V ввозить негров, чтобы от непосильного труда в аду антильских золотых копей изнемогали негры. Этому любопытному извращению чувств филантропа мы обязаны бесчисленными следствиями: отсюда блюзы Хэнди⁶, успех в Париже художника с Восточного берега⁷ Педро Фигари⁸, превосходная проза, трактующая о беглых рабах, другого уругвайца, дона Висенте Росси, мифологическое величье Авраама Линкольна, пятьсот тысяч погибших в войне между Севером и Югом, три миллиарда триста миллионов, потраченных на военные пенсии, статуя мнимого Фалучо⁹, включение глагола «линчевать» в тринадцатое издание Академического словаря, страстный фильм «Аллилуйя»¹⁰, мощная штыковая атака Солера¹¹ во главе его «смуглых» и «черных» в Серрито, прелесть сеньориты такой-то, негр, убивший Мартина Фьерро¹², пошлая румба «Эль Манисеро», пресеченный и заточенный наполеоновский порыв Туссен-Лувертюра, крест и змея¹³ на Гаити, кровь коз, зарезанных ножом папалоа¹⁴, хабанера как мать танго, танец кандомбе¹⁵.

А кроме того, преступная и великолепная жизнь жестокого освободителя Лазаруса Мореля.

---

⁵ Источниками рассказа, по словам Борхеса, послужили автобиографические записки Марка Твена «Жизнь на Миссисипи» (1883; в гл. XXIX автор, в свою очередь, ссылается на «позабытую книгу, изданную с полвека назад») и труд Бернарда Девото «Америка Марка Твена» (1932).

⁶ Уильям Кристофер Хэнди (1873–1958) – американский музыкант, руководитель джазового оркестра, автор знаменитого «Сент-Луис блюза» (1914).

⁷ *Восточный берег* – название нынешнего Уругвая до 1815 г. (употребляется и по сей день), до 1830 г. он именовался Восточной провинцией, а затем – Восточной республикой Уругвай.

⁸ Педро Фигари (1861–1938) – уругвайский поэт и художник, часто изображал жизнь негров. В 1925–1933 гг. жил в Париже, где выставлял свои картины и выпустил несколько книг с собственными рисунками. Борхесовская «Страничка о Фигари», посвященная одной из выставок художника, появилась в 1928 г. в буэнос-айресском журнале «Критерио», где работали и печатались друзья Борхеса (Ф. Л. Бернардес, Э. Мальеа и др.).

⁹ Фалучо — прозвище Антонио Руиса, аргентинца негритянского происхождения, участника Войны за независимость испанских колоний в Америке, поднявшего мятеж в гарнизоне города Кальяо и расстрелянного испанцами в 1824 г. В Буэнос-Айресе на площади Ретиро ему установлен памятник, ему посвящены поэмы, исторические труды.

¹⁰ «Аллилуйя» – фильм Кинга Видора 1929 г. с участием актеров-негров и негритянской музыкой.

¹¹ Мигель Эстанислао Солер (1783–1849) – аргентинский военачальник, участник Войны за независимость, губернатор Восточной провинции (1814) и провинции Буэнос-Айрес (1820). В бою под Серрито 31 декабря 1812 г. командовал подразделениями, состоявшими из мулатов и негров.

¹² ...негр, убивший Мартина Фьерро... – Поэма Хосе Эрнандеса «Мартин Фьерро» заканчивается миром. Придуманная «вторая смерть» героя-гаучо – центральной фигуры аргентинской национально-литературной мифологии – станет сюжетом позднейшей новеллы Борхеса «Конец» (сборник «Выдумки»).

¹³ Крест и змея – ритуальные символы христианства и язычества соответственно.

¹⁴ Папалоа — жрец негритянского культа вуду на Гаити.

¹⁵ Кандомбе (в Бразилии – кандомбле) – экстагическая ритуальная пляска негров в Латинской Америке, описана в рецензировавшейся Борхесом книге В. Росси и не раз изображалась на картинах П. Фигари.

Место

Миссисипи, Мать Вод, самая длинная река в мире, была достойным поприщем для этого несравненного подлеца. (Открыл ее Альварес де Пинеда¹⁶, и первым ее исследователем был капитан Эрнандо де Сото¹⁷, конкистадор, который завоевал Перу и скрашивал месяцы тюремной жизни инке Атауальпе, обучая его игре в шахматы. Когда капитан умер, его могилой стали воды этой реки.)

Миссисипи – широкогрудая, бесконечно длинная и смуглая сестра рек Парана, Уругвай, Амазонка и Ориноко. Воды этой реки имеют цвет кожи мулата – более четырехсот миллионов тонн ила, принесенного ими, ежегодно загрязняют Мексиканский залив. Такое количество почтенных древних нечистот привело к образованию дельты, где гигантские болотные кипарисы растут на отбросах непрерывно размываемого континента, а топкие лабиринты, усеянные дохлой рыбой и заросшие тростником, все расширяют границы и мирную тишину зловонной своей империи. Севернее, на широтах Арканзаса и Огайо, также простираются низменности. Живет там желтолицее племя изможденных бедняг, болеющих лихорадкой, с жадностью глядящих на камни и железо, потому что у них нет ничего, кроме песка, да древесины, да мутной воды.

Люди

В начале девятнадцатого века (нас интересует именно это время) обширные хлопковые плантации на берегах Миссисипи обрабатывали негры, трудившиеся от зари до зари. Спали они в бревенчатых хижинах на земляном полу. Все родственные связи, кроме отношения «мать – дитя», были чисто условными и туманными. Имена были, но многие обходились без фамилий. Читать негры не умели. Мягким фальцетом они напевали свои песни, удлиняя английские гласные. Работали рядами, согнувшись под бичом надсмотрщика. Порой убегали, тогда бородастые мужчины вскакивали на красивых лошадей, а сильные охотничьи собаки шли по следу.

К основе, состоявшей из животной надежды и африканских страхов, они прибавили слова Писания: их верой стала вера в Христа. Взмолнованно хором они пели: «Go down, Moses»¹⁸. В Миссисипи они видели некое подобие мутной реки Иордан.

Владельцами этой труженицы-земли и этих негров-рабов были праздные, жадные длинноволосые господа, обитавшие в больших домах, глядевших в реку, – с непременным псевдогреческим портиком из белой сосны. Хороший раб стоил дорого и тянул недолго. Некоторые были настолько неблагодарны, что вскоре заболевали и умирали. Следовало выжимать из этих ненадежных типов максимум прибыли. Поэтому их держали в поле от первого луча солнца до последнего, поэтому ежегодно собирали со своих земель урожай хлопка, или табака, или сахара. Утомленная и задерганная непрерывной обработкой, земля быстро истощалась; в плантации вклинивались густые заросли сорняков. На заброшенных фермах, в предместьях, в чащах тростника и на вонючих болотах жили роог whites, белые бедняки. То были рыболовы, охотники за чем придется, скотоводы. Они нередко выпрашивали у негров куски краденой пищи и в своем жалком прозябании тешились одной горделивой мыслью, что у них-то кровь чистая, без примеси. Одним из них был Лазарус Морель.

---

¹⁶ *Альварес де Пинеда* – испанский мореплаватель. В 1519 г. прошел вдоль северного и северо-западного побережья Мексиканского залива.

¹⁷ *Эрнандо де Сото* (1500–1542) – испанский конкистадор.

¹⁸ «Сойди, Моисей» (англ.) «Go down, Moses» — ветхозаветное обращение Бога к пророку Моисею, вошедшее в негритянские духовные песнопения (спиричуэлс).

Наш герой

Публикуемые в американских журналах дагеротипы Мореля не аутентичны. Отсутствие подлинных изображений человека, столь запоминающегося и знаменитого, наверняка не случайно. Можно предположить, что Морель уклонялся от посеребренной пластинки главным образом для того, чтобы не оставлять лишних следов да, кстати, поддержать таинственность... Однако мы знаем, что в молодости он был некрасив и что слишком близко посаженные глаза и тонкие губы не располагали в его пользу. Впоследствии годы придали ему ту особую величавость, которая бывает у поседевших негодяев, у удачливых и оставшихся безнаказанными преступников. Он был истый аристократ-южанин, несмотря на нищее детство и бесчестную жизнь. Недурно зная Священное Писание, он произносил проповеди с необычайной убедительностью. «Видел Лазаруса Мореля на кафедре, – записывает некий владелец игорного дома в Батон-Руж, штат Луизиана, – слушал его назидательные речи и видел, как у него на глазах проступали слезы. Я-то знал, что он прелюбодей, похититель негров и убийца перед лицом Господа, но и мои глаза плакали».

Другое яркое свидетельство этих благочестивых порывов исходит от самого Мореля. «Я открыл наугад Библию, наткнулся на подходящий стих у апостола Павла и говорил проповедь час двадцать минут. Не потеряли зря это время и Креншоу с товарищами – они покамест угнали у моих слушателей всех лошадей. Мы их продали в штате Арканзас, кроме одного гнедого, горячего коня, которого я придержал для собственного употребления. Креншоу он тоже понравился, но я его убедил, что конь этот ему не подходит».

Метод

Красть лошадей в одном штате и продавать их в другом было лишь незначительным отклонением в преступной истории Мореля, однако это занятие уже предвещало тот метод, который обеспечил ему прочное место во Всеобщей истории бесчестья. Метод, единственный не только по обстоятельствам *sui generis*¹⁹, его определившим, но и по требующейся для него низости, по сатанинской игре на надежде и по постепенному развороту, схожему с мучительным развитием кошмара. Аль-Капоне и Багс Моран²⁰ орудуют огромными капиталами и покорными автоматическими ружьями в большом городе, но их занятие достаточно пошлое. Они спорят из-за монополии, только и всего... Что до численности шайки, так Морель под конец командовал какой-нибудь тысячей молодцов, и все они приносили ему клятву верности. Двести входили в Верховный совет, издававший приказы, которые выполнялись остальными восьмьюстами. Опасности подвергались подчиненные. В случае бунта их предавали суду либо просто бросали в быстрые мутные воды реки с надежным камнем на ногах. Частенько то были мулаты. Их бандитская роль состояла в следующем.

Они объезжали – для пушего почтения щеголяя дорогим перстнем – обширные плантации Юга. Находили какого-нибудь несчастного негра и обещали ему свободу. Убеждали его бежать от хозяина, чтобы они могли продать его вторично на какую-нибудь отдаленную плантацию. Тогда, мол, они дадут ему столько-то процентов от вырученных денег и помогут бежать снова. Потом доставят его в один из свободных штатов. Деньги и воля, звонкие серебряные доллары и воля – можно ли было предложить что-либо более соблазнительное? И раб решался на свой первый побег.

---

¹⁹ Своеобразный (*лат.*).

²⁰ Аль-Капоне (1899–1947), Багс Моран (1893–1957) – американские гангстеры.

Естественным путем для бегства была река. Каноз, трюм корабля, шлюпка, необозримо огромный плот с будкой на одном конце или с высокими парусиновыми палатками – не все ли равно как, главное – знать, что ты движешься, что ты в безопасности на неустанно текущей реке... Негра продавали на другой плантации. Он опять убегал в тростниковые заросли или прятался в пустых бараках. Тогда грозные благодетели (к которым он уже начинал испытывать недоверие) говорили ему о каких-то непредвиденных расходах и заявляли, что вынуждены его продать в последний раз. Когда он вернется, ему отдадут проценты за две продажи и он будет свободен. Негр разрешал себя продать, какое-то время работал, потом решался на последнее бегство, несмотря на охотничьих собак и грозившую порку. Он возвращался окровавленный, потный, отчаявшийся, засыпающий на ходу.

Окончательная свобода

Следует рассмотреть юридический аспект этих фактов. Молодчики Мореля не продавали негра до тех пор, пока первый его хозяин не объявит о его бегстве и не предложит награду за поимку беглеца. Тогда любой был вправе задержать его, и последующая продажа представляла собой лишь некое злоупотребление доверием беглеца, но не похищение. Обращаться же к гражданскому правосудию было бесполезно и накладно – убытки никогда не возмещались.

Все это, казалось, должно было избавить от опасений. Однако нет. Негр мог заговорить, в порыве благодарности или горя негр мог проговориться. Несколько фляг ячменного виски в публичном доме в Эль-Каиро, штат Иллинойс, где этот сукин сын, этот потомственный раб станет транжирить кругленькую сумму, которую они должны ему отдать ни за что ни про что, – и конец тайне. Север в эти годы мутила партия аболиционистов, шайка опасных безумцев, которые отрицали собственность, проповедовали освобождение негров и подбивали их убеждать. Морель отнюдь не желал, чтобы его причислили к этим анархистам. Он был не янки, он был белый с Юга, сын и внук белых, и он питал надежду со временем удалиться от дел, зажить барином и обзавестись хлопковыми плантациями и рядами гнущих спину рабов. С его опытом он не мог себе позволить рисковать зря.

Беглец ждал освобождения. Тогда хмурые мулаты Лазаруса Мореля передавали друг другу приказ – порой всего лишь шевельнув бровью – и освобождали негра от зрения, от слуха, от осязания, от дневного света, от окружающей подлости, от времени, от благодетелей, от милосердия, от воздуха, от собак, от Вселенной, от надежды, от труда и от него самого. Пуля, удар ножом в живот или кулаком по голове – точные сведения получали черепахи и рыбы-усачи в Миссисипи.

Крах

Дело, которому служили верные люди, должно было процветать. К началу 1834-го Морель «освободил» уже около семисот негров, и еще немало собиралось последовать примеру этих «счастливицев». Зона деятельности расширилась, понадобилось принять новых членов. Среди принесших клятву новичков был один парень, Вирджил Стюарт из Арканзаса, который очень скоро выделился своей жестокостью. Парень этот был племянником одного аристократа, потерявшего большое число рабов. В августе 1834 года Вирджил нарушил клятву и выдал Мореля и всех остальных. Дом Мореля в Новом Орлеане был осажден полицией. Но по ее оплошности или с помощью подкупа Морелю удалось бежать.

Прошло три дня. Морель это время скрывался на улице Тулуз в старинном доме, где было патио с вьющимися растениями и статуями. Он, говорят, ел очень мало и все бродил босиком по большим темным покоем, задумчиво куря сигареты. Через служившего в этом доме раба он передал два письма – в город Натчез и в Ред-Ривер. На четвертый день в дом вошли трое

мужчин и побеседовали с ним до рассвета. На пятый день к вечеру Морель встал, попросил наваху и тщательно сбрил себе бороду. Затем оделся и вышел. Неторопливо, спокойно он прошел по северному предместью. И только оказавшись за городом, на прибрежных низменностях Миссисипи, зашагал быстрее.

План его был вдохновлен пьяной отвагой. Морель хотел воспользоваться последними людьми, которые еще должны были его чтить: неграми-рабами на Юге. Они же видели, как их товарищи бежали, видели, что те не возвращаются. Следовательно, они верили, что беглецы на воле. План Мореля состоял в том, чтобы поднять всеобщее восстание негров, захватить и разграбить Новый Орлеан и занять всю его территорию. Низвергнутый и почти уже уничтоженный предательством, Морель замыслил ответ в масштабах континента – ответ, поднимавший преступника до искупления и до Истории. С этой целью он направился в Натчез, где его имя было более всего в почете. Привожу собственный его рассказ об этом путешествии:

«Я шел четыре дня пешком, прежде чем удалось достать лошадь. На пятый день сделал привал у какого-то ручейка, чтобы запастись водой и отдохнуть. Сажу я на бревно и гляжу на дорогу, по которой шел, как вдруг вижу: приближается ко мне всадник на породистом вороном. Как увидел я его, сразу решил отнять коня. Приготовился, навел на него мой славный револьвер и приказал спешиться. Он приказ исполнил, а я взял в левую руку поводья, показал ему на ручеек и говорю, чтобы шел вперед. Прошел он вар двести и остановился. Я приказал раздеться. Он сказал: „Если уж вы хотите меня убить, дайте помолиться перед смертью“. Я ответил, что у меня нет времени слушать его молитвы. Он упал на колени, и я всадил ему пулю в затылок. Потом рассек живот, вытащил внутренности и бросил их в ручей. Потом обшарил карманы, нашел в них четыреста долларов тридцать шесть центов и кучу бумажек, с которыми я не стал возиться их рассматривать. Сапоги у него были новехонькие и мне как раз впору. Мои-то уж совсем износились, я кинул их в ручей.

Так я обзавелся лошастью, чтобы въехать в Натчез верхом».

Конец

Морель во главе взбунтовавшихся негров, которые мечтают его повесить, Морель, повешенный отрядами негров, которыми он мечтал командовать, – с прискорбием признаюсь, что история Миссисипи не воспользовалась этими великолепными возможностями. Вопреки поэтической справедливости (или поэтической симметрии) также и река, у которой свершались его преступления, не стала его могилой. Второго января 1835-го Лазарус Морель слег с воспалением легких в больнице в Натчезе, записанный под именем Сайлеса Бакли²¹. В общей палате один из больных его узнал. Второго и четвертого января на нескольких плантациях рабы пытались поднять бунт, но их усмирили без большого кровопролития.

---

²¹ ...под именем Сайлеса Бакли. – Эзра Бакли, скончавшийся в Батон-Руж (название этого города в штате Луизиана упоминается тремя главками раньше), мелькает потом в постскрипуме к борхесовской новелле «Тлён, Укбар, Орбис Терциус».

Беспардонный лжец Том Кастро

22

Называю его этим именем, ибо под таким именем его знали в 1850-х годах на улицах и в домах чилийских городов Талькауано, Сантьяго и Вальпараисо, и по справедливости ему надлежит называться так снова, возвращаясь в эти края – пусть всего лишь в виде призрака и субботнего развлечения²³. Метрическая запись в Уоппинге представляет его как Артура Ортона, сообщая дату рождения – 7 июня 1834 года. Мы знаем, что он был сыном мясника, что изведаль в детстве отупляющую скудость бедных кварталов Лондона, а затем почувствовал зов моря. В последнем факте нет ничего необычного. Run away to sea, сбежать на море, – традиционный английский способ разрыва с родительской властью, этакое посвящение в герои. Его одобряет географическая наука и даже Писание. (Псалом 106: «Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах видят дела Господа и чудеса Его в пучине».) Ортон удрал из своего убогого краснокирпичного, закопченного предместья, отплыл в море, с неизбежным разочарованием созерцал Южный Крест и сбежал с корабля в гавани Вальпараисо. Был он тихим, безобидным дурачком. По логике вещей он мог (и должен был) умереть с голоду, однако его глуповатая веселость, не сходящая с лица улыбка и беспредельная кротость снискали ему симпатии некоего семейства Кастро, чью фамилию он и принял. Иных следов этого южноамериканского эпизода не осталось, но, видимо, благодарность Тома не иссякла, ибо в 1861 году он появляется в Австралии все под той же фамилией: Том Кастро. В Сиднее он познакомился с Боглем, слугою-негром. Богль, отнюдь не будучи красавцем, отличался той степенной, величавой осанкой и монументальностью прочно построенного здания, какая бывает свойственна негру солидных лет, солидной комплекции и таких же манер. Однако второй его натурой было то, в чем учебники этнографии его расе отказывают: способность к гениальным озарениям. Далее мы увидим подтверждение этому. Богль был человек воздержанный и благовоспитанный, древние африканские инстинкты были крепко обузданы истовым и даже неистовым калвинизмом. Если не считать явлений ему Господа (о чем речь пойдет ниже), он был абсолютно нормален, без каких-либо отклонений, кроме тайного, неизбывного страха, который его останавливал на перекрестках, – ему чудилось, что то ли с востока или с запада, с юга или с севера на него наедет мчащийся экипаж и его погубит.

Ортон увидел его как-то под вечер на оживленном перекрестке Сиднея, – страхась воображаемой гибели, Богль никак не мог решиться сделать хоть шаг. Понаблюдав за ним довольно долго, Ортон подал ему руку, и они оба с некоторым удивлением пересекли вполне безопасную улицу. С этой минуты давно угасшего вечера между ними установились отношения опеки: опеки внешне нерешительного, величавого негра над толстым вралем из Уоппинга. В сентябре 1865 года оба они прочитали в местной газете полное отчаяния обращение.

Обожаемый покойник

В конце апреля 1854 года (когда Ортон был предметом бурного чилийского гостеприимства, столь же широкого, как их патио) в водах Атлантики потерпел крушение пароход «Мермейд», направлявшийся из Рио-де-Жанейро в Ливерпуль. В числе погибших значился Роджер Чарлз Тичборн, англичанин, военный, выросший во Франции, старший сын в одном из знат-

---

²² Источником рассказа Борхесу послужила статья английского историка и писателя Томаса Секкома (1866–1923) «Самозванец Тичборн» в 26-м томе одиннадцатого издания Британской энциклопедии.

²³ Пользуюсь этой метафорой, дабы напомнить читателям, что эти «бесчестные биографии» публиковались в субботнем приложении к вечерней газете. – *Примеч. автора.*

нейших католических семейств Англии. Трудно поверить, что гибель этого офранцузенного юноши, который говорил по-английски с самым изысканным парижским акцентом и вызывал у людей ту особую неприязнь, которую возбуждают только французское остроумие, любезность и педантичность, стала поворотным событием в судьбе Ортона, никогда с покойником не встречавшегося. Леди Тичборн, потрясенная мать Роджера, отказалась поверить в его смерть и стала рассылать отчаянные обращения в самые читаемые газеты. Одно из этих обращений оказалось в мягких траурно-черных руках Богля, у которого возник гениальный замысел.

Преимущества непохожести

Тичборн был стройный молодой аристократ с утонченными манерами, смуглым цветом лица, черными прямыми волосами, живым взглядом и четкой, даже до чрезмерности, речью; Ортон был неотесанный мужлан с большим брюхом, выющимися каштановыми волосами, сонным взглядом и невнятной, сбивчивой речью. Богль решил, что Ортону надо сесть на первый же отплывающий в Европу пароход и оправдать надежду леди Тичборн, объявив, что он ее сын. В плане этом была какая-то безумная изобретательность. Попробую подыскать подходящий пример. Вот если бы в 1914 году некий аферист вздумал выдать себя за германского императора²⁴, он постарался бы выставить напоказ торчащие усы, парализованную руку, властную складку бровей, серый плащ, грудь в орденах и высокий шлем. Богль был хитрее: он бы изобразил кайзера безусым, без каких-либо военных атрибутов и орденских орлов и с безупречно здоровой левой рукой. Мы не будем развивать это сравнение – и так ясно, что негр представил Тичборна ожиревшего, с глупой приветливой улыбкой, каштановыми волосами и неисправимым незнанием французского. Богль знал, что абсолютное воспроизведение желанного образа Роджера Чарлза Тичборна недостижимо. Знал он также, что, сколько бы черт сходства ни удалось подделать, они лишь подчеркнули бы некоторые неустранимые различия. Посему он вообще отказался от какого-либо сходства. Интуитивно он понял, что именно чудовищная несообразность притязаний будет лучшим доказательством того, что здесь не может быть речи об обмане, при котором никто не пошел бы на столь явное пренебрежение простейшими приемами. Не следует также забывать о всемогущем содействии времени: четырнадцать лет в Южном полушарии и в нужде могут ведь изменить человека.

Другое важное соображение: повторные безумные призывы леди Тичборн указывали на ее непоколебимую уверенность в том, что Роджер Чарлз не умер, на ее страстное желание признать его.

Встреча

Неизменно покладистый Том Кастро написал леди Тичборн. Чтобы подкрепить свою идентичность, он привел веские доказательства: две родинки возле левого соска и случай в детстве, пренеприятный и именно поэтому весьма памятный, когда на него напал рой пчел. Письмо было кратким и, что являлось вполне естественным для Тома Кастро и Богля, особой заботы об орфографии не обнаруживало. В пышном уединении парижского отеля пожилая дама читала и перечитывала его, заливаясь счастливыми слезами, и через день-другой действительно вспомнила приметы, на которые ссылался ее сын.

16 января 1867 года Роджер Чарлз Тичборн появился в этом отеле. Впереди него шел почтительный его слуга Эбенезер Богль. Стоял ослепительно солнечный зимний день, утомленные глаза леди Тичборн были затуманены слезами. Негр распахнул настежь все окна. Свет

---

²⁴ ...выдать себя за германского императора... – Вильгельма II Гогенцоллерна.

сыграл роль маски: мать узнала блудного сына и заключила его в свои объятия. Теперь, когда она обрела его самого, ни к чему были газета и письма, посланные им из Бразилии, второстепенные, хотя и дорогие для нее реликвии, окрашивавшие ее унылое четырнадцатилетнее одиночество. Горделивым жестом она возвратила письма – все до одного.

Богль улыбнулся исподтишка: вот и удостоверение личности для кроткого призрака Роджера Чарльза.

Ad maiorem dei gloriam²⁵

Счастливое узнавание – словно разыгранное по канонам классической трагедии – должно было увенчать эту историю, обеспечив или, по крайней мере, сделав возможным счастье всех троих: счастье подлинной матери, счастье самозваного покорного сына, счастье автора замысла, вознагражденного триумфом своей изобретательности. Но Судьба (назовем этим именем бесконечное взаимодействие тысяч переплетающихся причин) рассудила иначе. В 1870 году леди Тичборн скончалась, и родственники подали в суд на Артура Ортона, обвиняя его в узурпации имени и семейного положения. Им, родственникам, были неведомы слезы и одиночество, но не алчность, да они и не верили никогда в подлинность этого тучного и малограмотного блудного сына, столь некстати возникшего в Австралии. Ортона поддерживали многочисленные кредиторы, которые, в надежде получить долги, решили, что он и в самом деле Тичборн.

Помогала ему также дружба с семейным адвокатом Эдвардом Гопкинсом и с антикваром Френсисом Дж. Байджентом. Однако этого было недостаточно. Богль надумал, что для успешного исхода процесса необходимо заручиться мощной поддержкой общественного мнения. Он надел цилиндр, взял солидный зонт и отправился искать озарения на богатых улицах Лондона. Дело было под вечер. Богль бродил, пока луна медвяного цвета не удвоилась, отражаясь в прямоугольниках городских фонтанов. Господь посетил его. Богль подозвал извозчика и велел ехать в контору антиквара Байджента. Тот отправил пространное письмо в «Таймс», в котором утверждалось, что так называемый Тичборн наглый обманщик. Подписано оно было отцом Гудроном из Общества Иисуса. Дальше последовали другие разоблачения, также от папистов. Действие было незамедлительным, все порядочные люди, естественно, догадались, что сэр Роджер Чарльз стал мишенью чудовищного заговора иезуитов.

Экипаж

Процесс длился сто девяносто дней. Около сотни свидетелей дали показания, что обвиняемый действительно Тичборн, – в их числе несколько товарищей по оружию из шестого драгунского полка. Сторонники Тичборна неустанно твердили, что он не обманщик, – будь он обманщиком, он постарался бы подделать сходство с юношескими портретами своего прототипа. К тому же леди Тичборн признала его, а мать, бесспорно, не может ошибиться. Все шло хорошо или почти хорошо, пока перед судьями для дачи показаний не предстала давняя возлюбленная Ортона. Богля не смутил этот коварный маневр «родственников», он надел цилиндр, взял зонт и отправился искать на богатых улицах Лондона третье озарение. Нашел ли, мы уже никогда не узнаем. Неподалеку от Примроуз-хилл его настиг тот грозный экипаж, который преследовал его долгие годы. Богль увидел его приближение, закричал, но увернуться не успел. Его с силой швырнуло на камни. Страхи сбылись – копыта извозчиц клячи проломили ему череп.

---

²⁵ К вящей славе Божией (*лат.*). Девиз ордена иезуитов.

Призрак

Том Кастро был призраком Тичборна, но призраком беспомощным, движимым гениальным умом Богля. Когда ему сообщили, что негр погиб, призрак стал блекнуть. Он продолжал врать, но со слабеющим азартом и нелепыми противоречиями. Конец дела предвидеть было нетрудно. 27 февраля 1874 года Артура Ортона, он же Том Кастро, приговорили к четырнадцати годам каторжных работ. В тюрьме он снискал любовь окружающих – это всегда было главной его заботой. За образцовое поведение срок ему сократили на четыре года. Когда же пришлось покинуть этот последний гостеприимный – я разумею, тюремный – кров, он стал ездить по городам и весям Соединенного Королевства, выступая с небольшими сообщениями, в коих заявлял о своей невиновности или, напротив, подтверждал свою вину. Скромность его и стремление быть приятным настолько укоренились в нем, что не раз он начинал вечер с оправдания себя, а заканчивал признанием вины, всегда идя навстречу настроениям публики.

2 апреля 1898 года он умер.

Вдова Чин, пиратка

26

Слово «корсарка», возможно, вызовет в памяти не самый достойный отклик: полинявшая от времени сарсуэла²⁷, актрисы-субретки, исполняющие роли танцующих пираток на фоне очевидно картонных морей. И все-таки корсарки существовали: то были женщины, которые умело маневрировали кораблями, руководили полудикими командами, преследовали и грабили корабли дальнего плавания. Была среди них Мери Рид, однажды объявившая, что ремесло пирата годится не для всякого и, чтобы заниматься им с честью, потребно быть отважным мужчиной, как она сама. Когда Мери еще не стала капитаном и делала свои первые шаги, корабельный задира оскорбил ее любовника. Мери вызвала обидчика на дуэль и вела схватку двумя руками, как то и полагалось по старинному обычаю Карибских островов: тяжелый ненадежный пистолет в одной руке, верная сабля в другой. Пистолет дал осечку, зато сабля повела себя как подобает... В 1720 году лихая карьера Мери Рид пресеклась на испанской виселице в Сантьяго-де-ла-Вега (Ямайка).

Другая пиратка этих морей звалась Энн Бонни, это была блистательная ирландка с высоким бюстом и огненными волосами, не раз рисковавшая своим телом в абордажных боях. Энн Бонни и Мери Рид были соратницами по оружию, а потом и по виселице. Капитан Джон Рэкхем, любовник Энн, тоже получил веревку с петлей на этом представлении. Презрительная реплика, брошенная капитану, почти повторила слова Айши, когда-то обращенные к Боабдилю²⁸: «Если бы ты дрался как мужчина, сейчас бы тебя не вешали как собаку».

Еще одна пиратка, более удачливая и жизнестойкая, действовала в водах Азии – от Желтого моря до рек на границе с Аннамом. Я имею в виду воинственную вдову Чин.

Годы учения

В 1797 году совладельцы многочисленных пиратских флотилий Желтого моря объединились в синдикат и назначили адмиралом некоего Чина, человека справедливого и надежного. Чин руководил грабежом с такой суровостью и непреклонностью, что жители побережий, не скупясь на слезы и дары, в ужасе обратились за помощью к императору. Их горестная просьба не осталась без внимания: жители получили приказ запалить деревни, позабыть о рыболовном промысле, перебраться вглубь страны и обучиться неведомой науке, именуемой «агрикультура». Рыбаки так и поступили, и обманутым пиратам достались только пустынные берега. Вследствие этого пиратам пришлось заняться грабежом кораблей, и ущерб от такой перемены оказался гораздо значительнее: теперь страдала морская торговля. Правительство решительно повелело бывшим рыбакам оставить плуг и ярмо и вернуться к сетям и веслам. Памятуя о пережитом ужасе, земледельцы послушались приказа, и тогда власти прибегли к другому способу: назначили адмирала Чина управляющим императорских конюшен. Чин намеревался принять щедрую взятку. Руководители синдиката об этом узнали, их праведное негодование облеклось в форму блюда с отравленными гусеницами и вареным рисом. Угощение оказалось роковым: бывший адмирал, новоиспеченный управляющий императорских конюшен отдал душу

---

²⁶ В качестве источника Борхес, по его словам, пользовался «Историей пиратства» Филиппа Госса (1932).

²⁷ *Сарсуэла* – испанский музыкально-драматический жанр, сочетающий песни, речитативы и танцы.

²⁸ ...слова... когда-то обращенные к Боабдиллю... – Абу Абдаллах (1460–1526), в испанских романах – Боабдиль, последний мусульманский правитель Гранады. О сдаче им своей столицы и словах его матери Айши рассказано в последней главе «Повести о Сегри и Абенсеррахах» (1595) испанского писателя Хинеса Переса де Иты, в книге очерков Вашингтона Ирвинга «Альгамбра» (1832, глава «Памятники царствования Боабдила») и др.

божествам моря. Вдова Чин, потрясенная двойным предательством, собрала пиратов, открыла им подробности интриги и призвала разом отвергнуть и коварное милосердие императора, и неблагодарную работу отравителей. Чин предложила разбой без посредников и выборы нового адмирала. В адмиралы выбрали ее. Чин была худосочная женщина с сонными глазами и гнилозубой улыбкой. Ее черные маслянистые волосы блестели ярче, чем глаза.

Под негромкие команды этой женщины корабли ринулись навстречу опасности и открытому морю.

У руля

Методичный разбой продолжался тринадцать лет. Армаду составляли шесть флотилий, ходивших под флагами разных цветов: красным, желтым, зеленым, черным, сиреневым и переливчато-змеиным – это был адмиральский цвет. Командиров звали Птица и Камень, Ярость Утренних Вод, Сокровище На Борту, Волна Множества Рыб и Высокое Солнце. Устав, написанный лично вдовой Чин, отличался непреклонной суровостью; его точный лаконичный стиль не украшают цветы увядшей риторики, придающие комичную выпренность официальному слогу китайских документов, пугающие образцы которого будут приведены ниже. Вот несколько статей пиратского устава:

«Все имущество, перемещенное с неприятельских судов, должно быть передано на склады и зарегистрировано. Каждый пират позже получает одну пятую часть от всего, что им добыто; четыре пятых части остаются на складе. Нарушение этого правила карается смертью».

«Наказанием для пирата, покинувшего свой пост без специального дозволения, является публичное прокалывание ушей. Повторный проступок карается смертью».

«Запрещается торговать на палубе женщинами, захваченными в деревнях: торговля может вестись только в трюме и всегда с дозволения суперкарга. Нарушение этого правила карается смертью».

Из сообщений пленников известно, что рацион пиратов по большей части состоял из галет, жирных жареных крыс и вареного риса, а в дни сражений у них было в обычае подмешивать в спиртное порох. Непостоянные карты и кости, выпивка и фантан²⁹, дурманная трубка с опиумом в свете фонарика – вот что скрашивало свободные часы. Любимым оружием пиратов были две сабли для одновременного боя. Перед abordажем на скулы и тело наносили чесночную мазь – проверенное средство от укусов пуль.

Команда ходила в море вместе с женщинами, у капитанов был свой гарем из пяти-шести наложниц; после побед его обычно обновляли.

Говорит Цзяцин, молодой император

В 1809 году был обнародован императорский указ, я процитирую только начало и окончание. Многие критикуют его стиль.

«Люди злонамеренные и вредоносные, люди, топчущие хлеб, люди, не внимающие стонам сборщиков налогов и сирот, люди, запечатлевшие на своем белье феникса и дракона, люди, отрицающие правдивость печатных книг, люди, проливающие слезы при взгляде на север, угрожающие спокойствию рек и древнему благополучию наших морей. На утлых ненадежных суденьишках денно и нощно бросают они вызов буре. Цели их достойны сожаления: эти люди не были и никогда не будут друзьями мореплавателя. Не помышляя об оказании помощи, они

---

²⁹ Фантан — азартная игра в Китае, имеет сходство с рулеткой.

ополчаются на моряка со звериной яростью и приводят его к разорению, к калечности либо к смерти. Они, таким образом, попирают естественные законы Мироздания, и теперь реки выходят из берегов, суша затопляется водой, дети восстают на своих отцов, а сезоны дождя и засухи переменяют свои сроки...

...Вследствие изложенного выше поручаю тебе, адмирал Кво-Лан, наказать этих людей. Не забудь, что милосердие есть привилегия императора и подданному не подобает тщеславно присваивать его себе. Будь жесток, будь справедлив, будь послушен, будь победоносен».

Риторическое упоминание утлых суденышек, определенно, не соответствовало истине. Задачей его было поднять боевой дух экспедиции Кво-Лана. Девяносто дней спустя флот вдовы Чин столкнулся с флотом Срединной империи. Почти тысяча кораблей вели бой от рассвета до заката. Сражение разворачивалось под сводный хор колокольчиков, барабанов, выстрелов, проклятий, гонгов и пророчеств. Силы империи потерпели поражение. Кво-Лан не получил возможности проявить ни запретное милосердие, ни предписанную жестокость. Он поступил согласно обычаю, о котором склонны забывать наши побежденные генералы: покончил с собой.

Ужас на берегах

А потом шестьсот боевых джонок и сорок тысяч торжествующих пиратов под командованием гордой вдовы поднялись по реке Сицзян, преумножая число пожаров, кровавых празднеств и сирот по левому и правому борту. Многие деревни перестали существовать. Только в одной из них число пленных перевалило за тысячу. Сто двадцать женщин, искавших ненадежного укрытия в тростнике и близлежащих рисовых полях, выдали себя безутешным плачем младенца и впоследствии были проданы в Макао. Слезы и скорбь обездоленных даже издавлек добрались до Цзяцина, Сына Неба. Некоторые историки предполагают, что страдания крестьян опечалили его меньше, чем разгром карательной экспедиции. Достоверно известно, что Цзяцин организовал вторую экспедицию, устрашающую самым количеством флагов, матросов, солдат, боеприпасов, провизии, предсказателей и астрологов. Адмиралом в этот раз был назначен Тин-Квей. Тяжеловесное скопище кораблей вошло в дельту реки Сицзян и закрыло проход пиратской флотилии. Вдова приготовилась к битве. Она знала, что придется тяжело, очень тяжело: ночи и месяцы грабежа и разгула сильно ослабили ее войско. А битва все не начиналась. Солнце неспешно восходило и садилось за дрожащим тростником. Люди и оружие забыли об отдыхе. Полдень длился бесконечно, вечерам не было конца.

Дракон и лисица

И все-таки каждый вечер над императорскими кораблями поднимались ленивые стайки невесомых драконов. Набрав высоту, драконы мягко опускались на воду и на вражеские палубы. Это были летучие конструкции из бумаги и тростника, схожие с воздушными змеями и схожие между собой красными и серебристыми боками. Вдова с тревогой всматривалась в эти ежевечерние метеоры, она прочла на их поверхностях длинную неясную притчу о драконе, который всегда приходил на помощь лисице, несмотря на ее упорную неблагодарность и бесконечные проступки. Луна успела исхудать, а фигурки из бумаги и тростника каждый вечер приносили все ту же историю, с почти незаметными вариациями. Вдова печалилась и размышляла. Когда луна снова округлилась на небе и в красноватых водах, история подошла к концу. Никто не мог заранее предсказать, что ждет лисицу – безграничное милосердие или же безграничные кары, однако неизбежный финал был уже близок. Вдова поняла. Она выбросила в реку обе сабли, спустилась в лодку, встала на колени и велела доставить ее на корабль императорского адмирала.

Был вечер, небо заполнилось фигурками драконов, на этот раз желтыми. Вдова бормотала одну и ту же фразу. «Лисица пришла под крыло к дракону», – сказала она, поднявшись на борт.

Апофеоз

Летописцы сообщают, что лисица заслужила прощение и посвятила свою медленную старость контрабанде опиума. Ее перестали именовать Вдовой: принятое ею новое имя можно передать как Свет Истинной Учености.

«С того самого дня (пишет историк) к кораблям вернулся мир. Все четыре моря и бесчисленные реки сделались безопасными и благоприятными дорогами .

Земледельцы наконец-то продали мечи, купили быков и занялись пахотой. Люди принесли жертвы, помолились на вершинах гор и праздновали целый день, распевая за ширмами» .

Преступных дел мастер Монк Истмен

30

Так это бывает в нашей Америке

Два четких силуэта на фоне небесно-голубых стен или чистого неба, два «куманька» в узких, строгих черных костюмах и туфлях на каблуке исполняют роковой танец, танец с ножами, пока из уха одного из них не процветет алая гвоздика, – это нож вонзился в человека, и он своей бесспорной смертью завершает этот танец без музыки. Другой, с видом покорности судьбе, нахлобучивает шляпу и посвящает свою старость рассказам об этом столь честном поединке. Вот и вся, со всеми подробностями, история убийства у нас. История головорезов Нью-Йорка более замысловата и гнусна.

Так это бывает в той Америке

История нью-йоркских банд (явленная миру в 1928 году Гербертом Эшбери в солидном труде на четырехстах страницах ин-октаво) полна путаницы и жестокостей в духе дикарских космогоний и их чудовищных несообразностей: подвалы бывших пивоварен, приспособленные под ночлежки для негров; малорослый трехэтажный Нью-Йорк; банды подонков вроде «Болотных ангелов» («Swamp Angels»), которые околачивались в лабиринтах канализации; шайки беглых арестантов вроде «Daybreak Boys» («Мальчишки зари»), которые вербовали десяти-одиннадцатилетних детей-убийц; наглые силачи-одиночки вроде «Страшил в цилиндрах» («Plug Uglies»), вызывавших безудержный хохот своими высоченными цилиндрами и широкими, развевающимися от ветров предместья сорочками, но при этом с дубинкой в правой руке и большущим пистолетом в кармане; банды негодяев вроде «Дохлых кроликов» («Dead Rabbits»), которые вступали в драку, неся как стяг мертвого кролика на палке; молодцы вроде Джона Делана Денди, славившегося напояженным коком на лбу, тростями с набалдашником в виде обезьяньей головы и изящной медной штучкой, которую он надевал на большой палец, чтобы выдавливать глаза противнику; ребята вроде Кита Бернса, способного в один прием откусить голову живой крысе, или вроде Дэнни Лайонса Слепого, рыжего парня с огромными невидящими глазами, сожителя трех шлюх, с гордостью его опекавших; всяческие дома с красным фонарем вроде того, который содержали семь сестриц из Новой Англии, отдававших свою рождественскую выручку на благотворительные цели; арены для боев голодных крыс и собак; китайские игорные притоны; женщины вроде многократной вдовушки Рыжей Норы, предмета любви и хвастовства всех главарей банды «Суслики» («Gophers»); женщины вроде Лиззи Голубки, которая после казни Дэнни Лайонса надела траур и погибла от ножа Мэгги Милашки, ее соперницы в давней страсти к уже мертвому Слепому; бунты вроде длившегося целую кошмарную неделю в 1853 году, когда была сожжена сотня домов и бандиты едва не овладели городом; уличные побоища, в которых человек исчезал как в пучине морской, затоптанный насмерть; конокрады и барышники вроде Йошке Негра, – вот чем наполнена эта хаотическая история. Самый знаменитый ее герой – Эдвард Делани, он же Уильям Делани, он же Джозеф Мервин, он же Джозеф Моррис, он же Монк Истмен, главарь банды в тысячу двести человек.

---

³⁰ Источником Борхесу служили книги упоминаемого в рассказе исследователя гангстерского мира Америки Герберта Эшбери (1891–1963). *Монк Истмен* (ок. 1873–1920) – нью-йоркский гангстер.

Герой

В этом ряде обманных имен (дразнящих, как игра масок, когда не знаешь, кто есть кто) отсутствует настоящее имя – если только возможно представить, что таковое существовало. На самом деле в записи гражданского состояния в Уильямсбурге в Бруклине значится Эдвард Остерманн, фамилия затем была американизирована и стала Истмен. Как ни странно, этот грозный злодей был евреем. Он был сыном владельца ресторана из числа тех, где соблюдается кошерная кухня и где почтенные евреи с раввинскими бородами могут безбоязненно вкушать обескровленное и трижды очищенное мясо телок, забитых по всем правилам. Девятнадцати лет, в 1892 году, он с помощью отца открыл зоомагазин. Следить за жизнью животных, наблюдать их суетливую возню и непостижимую безгрешность было страстью, сопровождавшей его до конца дней. В дальнейшем, во времена своего процветания, когда он презрительно отказывался от сигар, предлагаемых веснушчатými «сахемами» из Таммани, и посещал самые шикарные бордели, разъезжая в тогдашнем забавном автомобиле, похожем на незаконного сына гондолы, он открыл «для крыши» второй магазин, где держал сотню породистых кошек и более четырехсот голубей, – продавая их далеко не всякому. Каждую кошку или голубя он знал и любил и частенько обходил свои владения со счастливицей-кошкой на руках и бежавшей за ним завистливой стаей.

Это был человек страшный и могучий. Короткая бычья шея, необъятная грудь, длинные бойцовские руки, перебитый нос, лицо с записанной на нем рубцами его историей, однако ж менее впечатляющее, чем туловище, кривые, как у наездника или моряка, ноги. Он мог ходить без сорочки и без пиджака, но на его голове циклопа всегда красовалась мятая шляпенка. Память о нем не исчезла. Типичный бандит кинофильмов – это именно его подобие, а не бесцветного и дряблого Капоне. О Волхейме³¹ говорили, что его снимали в Голливуде потому, что он очень походил на незабвенного Монка Истмена... А тот любил делать обход своей подпольной державы с синеперой голубкой на плече, что твой бык с бьентевео³² на холке.

В 1894 году в городе Нью-Йорке развелось много танцевальных залов. В одном из них Истмену поручили поддерживать порядок. Легенда гласит, что сперва хозяин не хотел его нанимать и тогда Монк продемонстрировал свои способности, сокрушив парочку силачей, не желавших уступить место. Там он и орудовал в одиночку, наводя страх, до 1899 года.

За каждого успокоенного им безобразника он делал ножом зарубку на своей беспощадной дубинке. В какую-то ночь его внимание привлекла склонившаяся над кружкой пива блестящая лысина, и он обрушил на нее смертельный удар. «Одной отметки до пятидесяти не хватало!» – воскликнул он затем.

Власть

С 1899 года Истмен был не только знаменит. Он был законно избранным патроном обширного округа и собирал обильную дань с домов под красным фонарем, с игорных притонов, с уличных шлюх и воров своего гнусного феода. Замышляя какое-нибудь дело, воровские комитеты, а также частные лица советовались с ним. Вот его гонорары: 15 долларов за отрезанное ухо, 19 за сломанную ногу, 25 за пулю в ногу, 25 за удар ножом, 100 за мокрое дело. Иногда, чтобы не потерять сноровку, Истмен выполнял заказ собственноручно.

---

³¹ Луис Волхейм (1880–1931) – американский актер театра и кино.

³² Бьентевео – небольшая птица с желтой грудкой.

Спор о границах (запутанный и ожесточенный, как все подобные споры, решение коих международное право затягивает до бесконечности) столкнул его с Полом Келли, знаменитым главарем другой банды. Перестрелки и стычки патрулей установили границу. Однажды на заре Истмен пересек ее – и на него напали пятеро. Своими головокружительно быстрыми руками гориллы и дубинкой в придачу он уложил троих, но и ему всадили две пули в живот и, сочтя мертвым, оставили на улице. Истмен большим пальцем заткнул кровоточащую рану и, шатаясь как пьяный, добрал до больницы. Несколько недель длился спор между жизнью, горячкой и смертью, но уста Истмена не осквернил донос, он не назвал никого. Когда он вышел из больницы, война была уже бесспорным фактом, и бушевала она в непрестанных перестрелках до августа девятьсот третьего года.

Ривингтонская битва

Сотня героев, смутно различимых на фотографиях, выцветавших в папках их дел, сотня героев, пропахших табачным дымом и алкоголем, сотня героев в соломенных шляпах с цветной лентой, сотня героев, страдающих – кто больше, кто меньше – постыдными болезнями, кариесом, болезнями дыхательных путей или почек, сотня героев, таких же невзрачных и блистательных, как герои Трои или Хунина, совершили этот ночной ратный подвиг под сенью пролетов надземной железной дороги. Причиной была дань, затребованная молодчиками Келли у хозяина игорного дома, дружка Монка Истмена. Один из той банды был убит, и завязавшаяся перестрелка переросла в грандиозное сражение. Под прикрытием высоких опорных ферм парни с бритыми подбородками молча палили из револьверов, находясь в центре огромного кольца наемных экипажей с бесстрашным, рвущимся в бой резервом, сжимающим в кулаках свои кольты. Что чувствовали действующие лица этого сражения? Вначале, думаю, тупую уверенность, что беспорядочная стрельба сотни револьверов сразу же их уничтожит; затем, думаю, не менее глупую убежденность, что если первые залпы их не сразили, значит они неуязвимы. Несомненно одно – под прикрытием железных арок и мрака сражались они с жаром. Дважды полиция пыталась вмешаться и дважды была отброшена. С первыми лучами зари сражение враз прекратилось, словно нечто неприличное или призрачное. Под высокими железными арками осталось семь тяжело раненных, четыре трупа и убитая голубка.

Черные дни

Окружные политические деятели, которым оказывал услуги Монк Истмен, публично всегда отрицали существование каких-либо банд или же объясняли, что речь-де идет всего лишь о компаниях, собирающихся повеселиться. Дерзкая битва в Ривингтоне их встревожила. Обоих главарей пригласили на беседу, дабы внушить, что необходимо заключить мир. Келли (понимавший, что политики лучше револьверов Кольта могут помешать действиям полиции) тотчас сказал «да»; Истмен же (обуреваемый гордыней, внушенной его могучими мышцами) жаждал новых выстрелов, новых стычек. Он сразу же отказался мириться, и пришлось пригрозить ему тюрьмой. В конце концов оба знаменитых бандита сошлись в баре поговорить – у каждого в зубах сигара, правая рука на рукоятке револьвера, рой бдительных молодчиков вокруг. Пришли к решению вполне американскому: доверить исход спора боксерскому поединку. Келли был первоклассным боксером. Матч состоялся в пустом сарае и был событием из ряда вон. Сто сорок зрителей видели его – бравые парни в шляпах набекрень, женщины с высокими, причудливыми прическами. Длился он два часа и закончился полным изнеможением противников. Через неделю снова затрещали выстрелы. Монка арестовали, уже в который раз. Его покровители избавились от него с облегчением, судья по всей справедливости осудил его на десять лет тюрьмы.

Истмен против Германии

Когда Монк, еще немного растерянный, вышел из Синг-Синга, тысяча двести молодчиков его банды уже разбрелись кто куда. Собрать их снова не удалось, и он решил действовать самостоятельно. 8 сентября 1917 года он учинил нарушение общественного порядка на улице. 9 сентября надумал принять участие в другом нарушении порядка – и записался в пехотный полк.

Нам известны кое-какие детали его военной карьеры. Мы знаем, что он яростно возражал против захвата пленных и однажды (одним ударом ружейного приклада) помешал этому достойному сожаления обычаю. Знаем, что ему удалось сбежать из госпиталя, чтобы вернуться в окопы. Знаем, что он отличился в боях под Монфоконом³³. Знаем, что потом он говорил – мол, некоторые танцульки на Бауэри³⁴ куда опаснее, чем европейская война.

Загадочный, но логичный конец

25 декабря 1920 года тело Монка Истмена было обнаружено на одной из центральных улиц Нью-Йорка. Пять огнестрельных ран получил он. В счастливом неведении смерти недоуменно бродила вокруг трупа совсем простая, не породистая кошка.

---

³³ *Монфоко* – местность под Верденом. 27 сентября 1918 г. американский отряд разбил здесь части германской армии.

³⁴ *Бауэри* — улица в Нью-Йорке, известная своими притонами.

Бескорыстный убийца Билл Харриган

35

Самый первый кадр – это аризонский пейзаж: земли Аризоны и Нью-Мексико, с их знаменитой прослойкой из золота и серебра, с их воздушностью и головокружением, с их величественным плоскогорьем и неяркими красками, с белесым сверканием скелета, обглоданного птицами. Сначала пейзаж, потом еще один образ: Билли Кид, всадник на лошади, парень с жестокими пистолетами, оглушающими пустыню, хозяин невидимых пуль, убивающих на расстоянии, словно по волшебству.

Пустыня с прожилками металлов, сухая и переливчатая. И почти ребенок, к моменту смерти (в двадцать один год) задолжавший людскому правосудию двадцать одну жизнь, «не считая мексиканцев».

Стадия личинки

В 1859 году человек, который в славе и ужасе пребудет Билли Кидом, родился в подвальной ночлежке Нью-Йорка. Говорят, его произвело на свет усталое чрево ирландки, однако вырос он среди негров. В этом хаосе зловония и курчавых волос он пользовался превосходством, которое дают веснушки и рыжеватая шевелюра. Мальчишка гордился, что он белый; а еще он был худощав, нелюдим и бессовестен. В двенадцать лет Билл примкнул к шайке «Swamp Angels» («Болотных ангелов») – божественных созданий, промышлявших среди клоак. Ночами, пропахшими горелым туманом, они выныривали из этого зловонного лабиринта, выслеживали какого-нибудь запоздалого немецкого матроса, оглушали ударом по затылку, обирали подчистую вплоть до белья, а потом перебежали на другую свалку. Верховодил «Ангелами» седой негр, Гэс Хаузер Джонас, известный также как отравитель лошадей.

Случалось, что с чердака какого-нибудь дома, приткнувшегося у воды, женщина высыпала на голову прохожего ведро с золой. Тот начинал задыхаться и махать руками. На него тотчас набрасывались «Болотные ангелы», затаскивали в подвал и там грабили.

Таковы были годы учения Билли Харригана, будущего Билли Кида. Парнишка был неравнодушен к театральным представлениям: ему нравилось смотреть (наверное, без всяких предчувствий, а ведь это были символы и письма его судьбы) ковбойские мелодрамы.

Go West!³⁶

То, что зрители валом валили в театры на Бауэри (и вопили «Поднимай тряпку!» при малейшей заминке занавеса), чтобы поглазеть на мелодрамы с всадниками и стрельбой, объясняется очень просто: Америку в те времена притягивал Запад. Там, на закате, ждет золото Невады и Калифорнии. Там, на закате, топорами валят кедры, там гуляет вавилонских размеров бизон, там высокая шляпа и приемистое ложе Бригама Янга³⁷, там ритуалы и свирепость краснокожих, там безоблачное небо над пустынями и дикая прерия, там первозданная земля, близость к которой заставляет сердца биться чаще, как на подступах к морю. Запад манил.

---

³⁵ Источниками рассказа были книги «Век вооруженных парней» Фредерика Уотсона (1931) и «Сага о Билли Киде» Уолтера Бёрнса (1925). В основе образа заглавного борхесовского героя – биография Генри Маккарти, он же Уильям Бонни (1859–1881), по прозвищу Малыш Билли («Билли Кид»).

³⁶ На Запад! (англ.)

³⁷ Бригам Янг (1801–1877) – глава религиозной общины американских мормонов (с 1844); молва приписывала им многоженство.

Эти годы отмечены бесконечным ритмичным гулом: тысячи американских мужчин обживали Запад. В 1872 году в этом потоке оказался и Билл Харриган – шустрый малый сбежал на Запад, чтобы не угодить в зарешеченную камеру.

Сокрушение мексиканца

История (которая, как прославленный кинорежиссер, любит перескакивать с кадра на кадр) теперь предлагает сцену в подозрительной таверне, вокруг которой всемогущая, как открытое море, пустыня. Время действия – беспокойная ночь 1872 года; место действия – Льяно-Эстакадо (Нью-Мексико). Земля неестественно ровная, а вот небо и сверху, и снизу – в клубах облаков с рваными дырами от ветра и луны, с морщинистыми колодцами и темными буграми. На земле – коровий череп, в сумраке – лай и желтые глаза койота, перед таверной – статные лошади и вытянутые полосы света. Внутри, облокотившись о единственную стойку, крепкие усталые мужчины пьют забористый виски и в уплату швыряют большие серебряные монеты с орлом и змеей. Пьяный в углу что-то мурлычет себе под нос. Некоторые здесь говорят на языке с множеством «с» – это, должно быть, испанский, потому что к тем, кто использует этот язык, относятся с презрением. Один из пьющих за стойкой – Билл Харриган, рыжая крыса из трущоб. Он уже покончил с двумя рюмками и думает заказать еще, даром что в кармане у него ни цента. Люди этой пустыни его подавляют. Они кажутся ему громадными, неистовыми, счастливыми, омерзительно умелыми в обращении с дикими скакунами и домашним скотом. Внезапно в таверне наступает абсолютная тишина, смолкает всё, кроме бесшабашного пьяного мурлыканья. Так появляется мексиканец, крепче любого из крепышей, с лицом старой индианки. Шляпа и пистолеты на поясе поражают своей непомерностью. На ломаном английском вошедший желает доброй ночи всем ублюдочным гринго, пьющим в этом доме. Никто не отвечает на вызов. Билл спрашивает, кто это такой, ему боязливым шепотом отвечают, что это Эль Даго (Эль Диго), он же Белисарио Вильягран из Чиуауа. Выстрел раздается мгновенно. Это Билл, укрытый шеренгой высоких мужчин, выпустил пулю в грубияна. Из руки непрошеного гостя падает рюмка; затем падает и весь Вильягран. Второй пули не требуется. Не удостоив колоссального покойника даже взглядом, Билл возвращается к беседе. «В самом деле? – процедил он³⁸. – Ну а я – Билл Харриган из Нью-Йорка». Пьяный продолжает напевать, безразличный ко всему.

Последующий триумф предсказуем. Билл отвечает на рукопожатия, принимает восторги, поздравления и выпивку. Кто-то замечает, что на револьвере Билла нет засечек, и предлагает поставить первую в ознаменование убийства Вильяграна. Билли Кид оставляет себе нож советчика, но отговаривается, дескать «не стоит отмечать мексиканцев». Сказанное кажется ему недостаточным. В ту ночь Билл расстилает свое одеяло рядом с трупом и, напоказ, устраивается спать до рассвета.

Убийства ради убийств

От того удачного выстрела (произведенного в четырнадцатилетнем возрасте) родился герой Билли Кид и умер беглец Билл Харриган. Мальчонка-налетчик из клоаки сделался мужчиной с пограничной территории. Он стал лихим наездником, научился держаться в седле прямо, как принято в Вайоминге и в Техасе, а не откидываясь назад, как принято в Орегоне и в Калифорнии. Билли так и не сделался точным подобием легенды о самом себе, но существенно к ней приблизился. В ковбое все равно осталось что-то от уличного драчуна из Нью-

---

³⁸ «Is that so? – he drawled». – *Примеч. автора.*

Йорка; Билли перенес на мексиканцев ненависть, которую прежде испытывал к неграм, однако последние его слова (бранные) прозвучали по-испански. Искусству бродяжничества он обучился у трапперов. Обучился и другому, более сложному искусству: командовать людьми; оба эти навыка помогли ему стать хорошим скотокрадом. Иногда его сманивали мексиканские гитары и бордели.

Лихая ясность бессонницы поддерживала его во время многолюдных загулов, которые длились по четыре дня и четыре ночи. Наконец, пресытившись, он пулями расплачивался по счетам. Пока его палец справлялся с курком, Билли оставался самым опасным (и, может быть, самым ненужным и самым одиноким) человеком на границе. Гаррет, друг Билли, тот самый шериф, который потом его застрелил, однажды сказал: «Я долго упражнялся в меткости на буйволах». – «Я упражнялся дольше, на людях», – спокойно ответил Билли. Всех подробностей уже не восстановить, но известно, что на Билли Киде по крайней мере двадцать одна смерть («не считая мексиканцев»). На протяжении семи невероятных лет ему верой и правдой служила великая роскошь: отвага.

Ночью 25 июля 1880 года Билли Кид галопом промчался на своем соловом по главной – и единственной – улице форта Самнер. Жара давила так, что фонари не зажигали; комиссар Гаррет, сидевший на крыльце в кресле-качалке, выхватил револьвер и всадил ему пулю в живот. Конь поскакал дальше; всадник рухнул на землю. Гаррет добавил еще одну пулю. Люди в форте (все поняли, что раненый – это Билли Кид) заперлись на все засовы. Агония длилась долго и сопровождалась отборной бранью. Когда солнце поднялось уже высоко, из домов вышли и разоружили лежащего – он был мертв. И, как и все покойники, походил на старую рухлядь.

Его побили, принарядили и выставили на страх и осмеяние в витрине лучшего магазина.

Посмотреть на него съезжались верхом и на двуколках со всей округи. На третий день его пришлось гримировать. На четвертый его торжественно похоронили.

Неучтивый церемониймейстер Кодзукэ-но Сукэ

39

Бесчестный герой этого очерка – неучтивый церемониймейстер Кодзукэ-но Сукэ, злокозненный чиновник, повинный в опале и гибели владетеля Башни Ако⁴⁰ и не пожелавший покончить с собой по-благородному, когда его настигла справедливая месть. Однако же он заслуживает благодарности всего человечества, ибо пробудил драгоценное чувство преданности и послужил мрачной, но необходимой причиной бессмертного подвига. Сотня романов, монографий, докторских диссертаций и опер увековечили это деяние – уж не говоря о восторгах, излитых в фарфоре, узорчатом лазурите и лаке. Пригодилась для этого и мелькающая целлулоидная пленка, ибо «Поучительная История Сорока Семи Воинов» – таково ее название – чаще других тем вдохновляет японский кинематограф. Подробнейшая разработка знаменитого сюжета, пылкий интерес к нему более чем оправданны – его истина применима к каждому из нас.

Я буду следовать изложению А. Б. Митфорда, свободному от отвлекающих черт местного колорита и сосредоточенному на развитии славного эпизода. Похвальное отсутствие «ориентализмов» наводит на мысль, что это непосредственный перевод с японского.

Развязавшийся шнурок

Давно угасшей весной 1702 года знатный владетель Башни Ако готовился принять под своим кровом императорского посланца. Две тысячи лет придворного этикета (частично уходящих в мифологию) до чрезвычайности усложнили церемониал подобного приема. Посланец представлял императора, однако в качестве его тени или символа; этот нюанс было равно неуместно и подчеркивать, и смягчать. Дабы избежать ошибок, которые легко могли стать роковыми, приезду посланца предшествовало появление чиновника двора Эдо с полномочиями церемониймейстера. Вдали от придворного комфорта, обреченный на *villegiature*⁴¹ в горах, что, вероятно, ощущалось им как ссылка, Кира Кодзукэ-но Сукэ отдавал распоряжения весьма сурово. Наставительный его тон порой граничил с наглостью. Поучаемый им владетель Башни старался делать вид, что не замечает этих грубых выходок. Возразить он не мог, чувство дисциплины удерживало его от резкого ответа. Однако как-то утром на башмаке наставника развязался шнурок и он попросил завязать его. Благородный рыцарь исполнил просьбу смиренно, однако в душе негодуя. Неучтивый церемониймейстер сделал ему замечание, что он поистине неисправим и что только мужлан способен состряпать такой безобразный узел. Владетель Башни выхватил меч и полоснул невежу по голове. Тот пустился наутек, тоненькая струйка крови адела на его лбу... Несколько дней спустя военный трибунал осудил нанесшего рану и приговорил его к самоубийству. В главном дворе Башни Ако воздвигли помост, покрытый красным сукном, осужденный взойшел на него, ему вручили золотой, усыпанный камнями кинжал, после чего он во всеуслышание признал свою вину, разделся до пояса и рассек себе живот двумя ритуальными надрезами, и умер как самурай, и зрители, кто стоял подальше,

---

³⁹ Некоторые мотивы рассказа Борхес, по его свидетельству, почерпнул из «Сказаний Старой Японии» (1919) Алджернона Бертрама Фримена Митфорда. «Месть сорока семи ронинов» – сюжет, многократно использованный японской литературой, театром и кино.

⁴⁰ Ако — крупный феодальный клан в Японии.

⁴¹ Пребывание на даче, в деревне (*фр.*).

даже не видели крови, потому что сукно было красное. Седовласый воин аккуратно отсек ему голову мечом, то был его опекун, советник Кураноскэ⁴².

Притворное бесчестье

Башню погибшего Такуми-но Ками конфисковали, воины его разбежались, семья была разорена и впала в нищету, имя его предали проклятию. По слухам, в тот самый вечер, когда он покончил с собой, сорок семь его воинов собрались вместе на вершине горы и составили план действий, который был в точности осуществлен год спустя. Известно, что они были вынуждены действовать с вполне оправданной неспешностью и что некоторые из их совещаний происходили не на труднодоступной вершине горы, а в лесной часовне, убогом строении из тесаного дерева, безо всяких украшений внутри, кроме ларца, в котором находилось зеркало. Они жаждали мести и, должно быть, с трудом могли дождаться ее часа.

Кира Кодзукэ-но Сукэ, ненавистный церемониймейстер, укрепил свой дворец, огромный отряд лучников и воинов с мечами сопровождал его паланкин. Повсюду он держал неподкупных, дотошных и надежно скрытых шпионов. И ни за кем так тщательно не следили и не наблюдали, как за предполагаемым главарем мстителей, советником Кураноскэ. Он же случайно это обнаружил и, обнаружив, соответственно построил свой план мести.

Он переселился в Киото, город знаменитый во всей империи красками своей осени. Там он начал околачиваться по публичным домам, игорным притонам и кабакам. Седовласый муж якшался со шлюхами и с поэтами и даже кое с кем похуже. Однажды его вытащили из кабака, и он до утра проспал у порога, уткнувшись лицом в блевотину.

Его узнал проходивший мимо юноша из Сацумы и с горечью и гневом молвил: «Не это ли, случайно, советник Асано Такуми-но Ками, который помог ему умереть, а теперь, вместо того чтобы мстить за своего господина, погрязает в наслаждениях и позоре? О ты, недостойный звания самурая!»

Он пнул ногою лицо спящего и плюнул в него. Когда шпионы доложили о равнодушии советника к унижению, Кодзукэ-но Сукэ почувствовал огромное облегчение.

Но советнику этого было мало. Он выгнал жену и младшего из сыновей и купил себе девку в публичном доме – вопиющее бесчестье, которое наполнило весельем сердце врага и ослабило его трусливую осторожность. Тот даже уменьшил наполовину свою охрану.

В одну из жестоких морозных ночей 1703 года сорок семь воинов сошлись в заброшенном саду в окрестностях Эдо, поблизости от моста и мастерской по изготовлению игральных карт. Они несли стяги своего господина. Прежде чем пойти на штурм, они предупредили соседей, что это будет не разбойное нападение, а военная операция для восстановления справедливости.

Шрам

Два отряда штурмовали дворец Кира Кодзукэ-но Сукэ. Первым командовал советник, и он прорвался через главный вход; вторым – его старший сын, которому еще не исполнилось шестнадцати лет и который погиб в ту ночь. История сохранила подробности этого кошмара наяву: опасный подъем и спуск по качающимся веревочным лестницам, зовущий в атаку барабан, переполох защитников, засевшие на плоской крыше лучники, разящие насмерть меткие стрелы, оскверненный кровью фарфор, жаркая свеча и ледяной холод смерти, безобразие и

---

⁴² Оиси Кураноскэ – старшина самураев из клана Ако вместе с шестнадцатью другими воинами покончил самоубийством 4 февраля 1704 г. Ему посвящено несколько рассказов Акутагавы – «Оиси Кураноскэ в один из своих дней» и др.

бесстыдство раскинувшихся трупов. Девять воинов погибло; защитники не уступали им в храбрости и долго не желали сдаться. Но вскоре после полуночи сопротивление было сломлено.

Кира Кодзукэ-но Сукэ, гнусный виновник сих подвигов преданности, исчез. Обыскали все закоулки дворца, все перевернули вверх дном и уже отчаялись его найти, как вдруг советник заметил, что простыни на ложе хозяина еще теплые. Поиски возобновились, было обнаружено узкое окно, замаскированное бронзовым зеркалом. Внизу, под окном, стоя в темном дворике, на незваных гостей смотрел человек в одном белье. В его правой руке дрожал меч. Когда к нему спустились, он сдался без боя. Лоб его был отмечен шрамом: давний след меча Такуми-но Ками.

И тут забрызганные кровью воины упали на колени перед ненавистным врагом и сказали, что они слуги владетеля Башни, в чьей опале и гибели он повинен, и умоляли его покончить с собой, как надлежит самураю.

Напрасно предлагали они почетную смерть этой подлой душонке. Чувство чести было незнакомо чиновнику, и на заре им пришлось отрубить ему голову.

Свидетельство преданности

Свершив месть (но без гнева, без волнения, без жалости), воины отправились в монастырь, где покоились останки их господина.

И вот идут они, и несут с собою в котелке жуткую голову Кира Кодзукэ-но Сукэ, и по очереди ее обихаживают. Они идут по полям, идут из одной провинции в другую при невинном свете дня. Люди благословляют их и плачут. Князь Сендай зовет их погостить, но они отвечают, что уже почти два года, как их господин ждет их. Наконец они входят в мрачный склеп и возлагают на гробницу голову врага.

Верховный суд выносит приговор. Такой, какого они и ждали: им дарована честь покончить с собой. Все повинуются, некоторые с экстатическим спокойствием, и их хоронят рядом с господином. Стар и млад приходят молиться на могилу верных воинов.

Юноша из Сацумы

В числе паломников является однажды усталый, запыленный юноша, пришедший, видимо, издалека. Простершись перед могильным камнем, памятником советнику Оиси Кураноскэ, он говорит: «Я видел тебя, когда ты валялся на пороге публичного дома в Киото, и я не догадался, что ты обдумываешь месть за своего господина, но решил, что ты воин без чести, и плюнул тебе в лицо. Я пришел, дабы оправдаться в нанесенной обиде». Сказав это, он совершил харакири.

Настоятель монастыря отдал должное его мужеству и велел похоронить его рядом с могилами воинов.

Таков конец истории о сорока семи преданных воинах, – впрочем, конца у нее нет, ибо все мы, люди, лишены чувства преданности, но никогда не теряющие полностью надежду обрести его, вечно будем их прославлять своим словом.

Хаким из Мерва, красильщик в маске

Анхелике Окампо⁴³

44

Если не ошибаюсь, первоисточники сведений об Аль Моканне⁴⁵, Пророке Под Покрывалом (или, точнее, в маске) из Хорасана, сводятся к четырем: а) краткое изложение «Истории Халифов», сохраненной в таком виде Балазури⁴⁶; б) «Учебник Гиганта, или Книга Точности и обозрения» официального историографа Аббасидов, Ибн Аби Тахира Тайфура⁴⁷; в) арабская рукопись, озаглавленная «Уничтожение Розы», где опровергаются чудовищные еретические положения «Темной Розы», или «Сокровенной Розы», которая была канонической книгой Пророка; г) несколько монет без всяких изображений, найденных инженером Андрусовым при прокладке Транскаспийской железной дороги. Монеты были переданы в нумизматический кабинет в Тегеране, на них начертаны персидские двустушия, резюмирующие или исправляющие некоторые пассажи из «Уничтожения». Оригинал «Розы» утерян, поскольку рукопись, обнаруженная в 1899 году и довольно легкомысленно опубликованная в «Morgenländisches Archiv»⁴⁸, была объявлена апокрифической сперва Хорном⁴⁹, затем сэром Перси Сайксом⁵⁰.

Слава Пророка на Западе создана многословной поэмой Мура, полной томлений и вздохов ирландского заговорщика.

Пурпур

Хаким, которому люди того времени и того пространства дадут впоследствии прозвище Пророк Под Покрывалом, появился на свет в Туркестане в 120 году Хиджры и 736 году Креста⁵¹. Родиной его был древний город Мерв, чьи сады и виноградники и луга уныло глядят на пустыню. Полдни там белесые и слепящие, если только их не омрачают тучи пыли, от которых люди задыхаются, а на черные гроздья винограда ложится беловатый налет.

Хаким рос в этом угасавшем городе. Нам известно, что брат его отца обучил его ремеслу красильщика, искусству нечестивцев, поддельвателей и непостоянных, и оно вдохновило первые проклятия его еретического пути. *«Лицо мое из золота (заявляет он на одной знаменитой странице „Уничтожения“), но я размачивал пурпур, и на вторую ночь окунал в него нечесаную шерсть, и на третью ночь пропитывал им шерсть расчесанную, и повелители островов до сих пор спорят из-за этих кровавых одежд. Так я грешил в годы юности и извращал подлинные цвета тварей. Ангел говорил мне, что бараны отличаются цветом от тигров, но Сатана говорил мне, что Владыке угодно, чтобы бараны стали подобны тиграм, и он пользовался*

⁴³ Анхелика Окампо (1891–1977) – одна из сестер Окампо, близких друзей Борхеса.

⁴⁴ В качестве своих источников Борхес указывал «Историю Персии» П. М. Сайкса (1915) и «Арабскую хронику» в переводе Александра Шульца (1927); последняя – мистификация, приписанная другу Борхеса Алехандро Шульцу Солари (упоминаемому в эссе «Кёнинги», с. 181). Некоторые исследователи видят в новелле влияние рассказа Марселя Швоба «Король в золотой маске».

⁴⁵ Аль Моканна — под этим именем известен вождь арабского религиозного движения 776–783 гг.; в Европу сведения о нем проникают во второй половине XVIII в., в 1787 г. его краткую биографию написал молодой Наполеон Бонапарт.

⁴⁶ Аль-Балазури (820–892) – арабский историк.

⁴⁷ Ибн Аби Тахир Тайфур (819–893) – арабский писатель и историк.

⁴⁸ «Восточный архив» (нем.).

⁴⁹ Пауль Хорн (1863–1908) – немецкий востоковед-иранист.

⁵⁰ Перси Молсворт Сайкс (1867–1945) – английский ориенталист, географ, путешественник по Востоку.

⁵¹ Год Креста — имеется в виду нашей эры.

моей хитростью и моим пурпуром. Ныне я знаю, что и Ангел, и Сатана заблуждались и что всякий цвет отвратителен».

В 146 году Хиджры Хаким исчез из родного города. В его доме нашли разбитые котлы и красильные чаны, а также ширазский ятаган и бронзовое зеркало.

Бык

В конце месяца шаабана⁵² 158 года воздух пустыни был чист и прозрачен, и люди глядели на запад, высматривая луну Рамадана, оповещающую о начале умерщвления плоти и поста. То были рабы, нищие, барышники, похитители верблюдов и мясники. Чинно сидя на земле у ворот караван-сарая на дороге в Мерв, они ждали знака небес. Они глядели на запад, и цвет неба в той стороне был подобен цвету песка.

И они увидели, как из умопомрачительных недр пустыни (чье солнце вызывает лихорадку, а луна – судороги) появились три фигуры, показавшиеся им необычно высокого роста. Все три были фигурами человеческими, но у шедшей посредине была голова быка. Когда фигуры приблизились, те, кто остановился в караван-сараях, разглядели, что на лице у среднего маска, а двое других – слепые.

Некто (как в сказках «Тысячи и одной ночи») спросил о причине этого странного явления. «Они слепые, – отвечал человек в маске, – потому что увидели мое лицо».

Леопард

Хронист Аббасидов сообщает, что человек, появившийся в пустыне (голос которого был необычно нежен или показался таким по контрасту с грубой маской скота), сказал – они здесь ждут, мол, знака для начала одного месяца покаяния, но он принес им лучшую весть: вся их жизнь будет покаянием и умрут они позорной смертью. Он сказал, что он Хаким, сын Османа, и что в 146 году Переселения в его дом вошел человек, который, совершив омовение и помолясь, отсек ему голову ятаганом и унес ее на небо. Покоясь на правой ладони того человека (а им был архангел Гавриил), голова его была явлена Господу, который дал ей наказ пророчествовать и вложил в нее слова столь древние, что они сжигали повторявшие их уста, и наделил ее райским сиянием, непереносимым для смертных глаз. Таково было объяснение Маски. Когда все люди на Земле признают новое учение, Лик будет им открыт и они смогут поклоняться ему, не опасаясь ослепнуть, как ему уже поклонялись ангелы. Возвестив о своем посланничестве, Хаким призвал их к священной войне – джихаду – и к мученической гибели.

Рабы, попрошайки, барышники, похитители верблюдов и мясники отказались ему верить; кто-то крикнул: «Колдун!», другой: «Обманщик!»

Один из постояльцев вез с собою леопарда – возможно, из той поджарой кровожадной породы, которую выращивают персидские охотники. Достоверно известно, что леопард вырвался из клетки. Кроме пророка в маске и двух его спутников, все прочие кинулись бежать. Когда вернулись, оказалось, что зверь ослеп. Видя блестящие мертвые глаза хищника, люди упали к ногам Хакима и признали его сверхъестественную силу.

Пророк Под Покрывалом

Официальный историограф Аббасидов без большого энтузиазма повествует об успехах Хакима под покрывалом в Хорасане. Эта провинция – находившаяся в сильном волнении из-за

---

⁵² Шаабан – восьмой месяц мусульманского календаря.

неудач и гибели на кресте ее самого прославленного вождя – с пылкостью отчаяния признала учение Сияющего Лица и не пожалела для него своей крови и своего золота. (Уже тогда Хаким сменил бычью маску на четырехслойное покрывало белого шелка, расшитое драгоценными камнями. Эмблемным цветом владык из дома Бану Аббаса был черный. Хаким избрал себе белый – как раз противоположный – для Защитного Покрывала, знамен и тюбанов.) Кампания началась успешно. Правда, в «Книге Точности» знамена Халифа всегда и везде побеждают, но, так как наиболее частым следствием этих побед бывали смещения генералов и уход из неприступных крепостей, разумный читатель знает, как это надо понимать. В конце месяца раджаба⁵³ 161 года славный город Нишапур открыл свои железные ворота Пророку в маске; в начале 162 года так же поступил город Астарабад. Участие Хакима в сражениях (как и другого, более удачливого Пророка) сводилось к пению тенором молитв, возносимых к Божеству с хребта рыжего верблюда в самой гуще схватки. Вокруг него свистели стрелы, но ни одна не поранила. Казалось, он ищет опасности – как-то ночью, когда возле его дворца бродили несколько отвратительных прокаженных, он приказал ввести их, расцеловал и одарил серебром и золотом.

Труды правления он поручал шести-семи своим приверженцам. Сам же питал склонность к размышлениям и покою; гарем из 114 слепых женщин предназначался для удовлетворения нужд его божественного тела.

Жуткие зеркала

Ислам всегда относился терпимо к появлению доверенных избранников Бога, как бы ни были они нескромны или свирепы, только бы их слова не задевали ортодоксальную веру. Наш Пророк, возможно, не отказался бы от выгод, связанных с таким пренебрежительным отношением, однако его приверженцы, его победы и открытый гнев Халифа – им тогда был Мухаммад аль-Махди⁵⁴ – вынудили его к явной ереси. Инакомыслие его погубило, но он все же успел изложить основы своей особой религии, хотя и с очевидными заимствованиями из гностической предыстории.

В начале космогонии Хакима стоит некий призрачный Бог. Его божественная сущность величественно обходится без родословной, а также без имени и облика. Это Бог неизменный, однако от него произошли девять теней, которые, уже снизойдя до действия, населили и возглавили первое небо. Из этого первого демиургического венца произошел второй, тоже с ангелами, силами и престолами, и те, в свою очередь, основали другое небо, находящееся ниже, симметрическое подобие изначального. Это второе святое сборище было отражено в третьем, а то – в находящемся еще ниже, и так до 999. Управляет ими владыка изначального неба – тень теней других теней, – и дробь его божественности тяготеет к нулю.

Земля, на которой мы живем, – это просто ошибка⁵⁵, неумелая пародия. Зеркала и деторождения отвратительны⁵⁶, ибо умножают и укрепляют эту ошибку. Основная добродетель – отвращение. К нему нас могут привести два пути (тут Пророк предоставлял свободный выбор): воздержание или разнузданность, убаживание плоти или целомудрие.

⁵³ *Раджаб* — седьмой месяц мусульманского календаря, отмеченный праздником Мирадж в честь легендарного ночного полета пророка Мухаммеда из Мекки в Иерусалим на волшебном коне Аль-Бурак (Коран, XVII).

⁵⁴ *Мухаммад аль-Махди* — мусульманский правитель 775–785 гг.

⁵⁵ *Земля... это просто ошибка...* — По словам гностического Евангелия от Филиппа, «мир создан по ошибке»; в стихотворении Поля Валери «Набросок змея» (книга «Чары», 1922): «Мироздание — ошибка // В чистоте небытия».

⁵⁶ *Зеркала и деторождения отвратительны...* — Эту фразу Борхес повторит в рассказе «Тлён, Укбар, Орбис Терциус» (сборник «Сад расходящихся тропок»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.